

УДК 342.591

DOI 10.34076/2658-512X-2020-1-102-133

Лазарев Александр Евгеньевич (lazarevpublication@gmail.com)

Уральский государственный юридический университет

Институт государственного и международного права

Alexander E. Lazarev

Ural State Law University

Institute of State and International Law, Student

Научный руководитель:

Перевалов Виктор Дмитриевич

Профессор кафедры теории государства и права

Уральского государственного юридического университета

Доктор юридических наук

Academic supervisor:

Victor D. Perevalov

Professor of Theory of State and Law department

Ural State Law University

Doctor of Juridical Sciences

**СИСТЕМАТИЗАЦИЯ ТЕОРЕТИЧЕСКИХ ПОДХОДОВ
К ПРАВОПОНИМАНИЮ
SYSTEMATIZATION OF THEORETICAL APPROACHES
TO LAW UNDERSTANDING**

Аннотация: В работе анализируются современные подходы к правопониманию в рамках представления о праве, как о системе взаимосвязанных элементов. В качестве предмета исследования выступает совокупность методологических подходов к правопониманию. Описан и реализован метод

дифференциации теорий права по трем предлагаемым в работе основаниям. Выявлена и обоснована неоднородность методологических подходов к изучению права в рамках рассматриваемой методологии. Предложены способы унификации методологии изучения права в рамках системного подхода.

Ключевые слова: теория права, методология, правопонимание, объективизм, субъективизм, функционализм.

Abstract: The paper analyzes modern approaches to law understanding in the framework of the concept of law as a system of interrelated elements. The subject of the study is a set of methodological approaches to legal understanding. The method of differentiation of law theories on three bases is described and implemented. The heterogeneity of methodological approaches to the study of law within the framework of the methodology is revealed and substantiated. Ways of systematical unification of the legal studies are offered.

Keywords: theory of law, methodology, legal understanding, objectivism, subjectivism, functionalism.

В рамках данной работы автором поставлена цель – реализовать системный подход к изучению права в рамках общего анализа современных теорий права. Основными задачами были обозначены выделение и описание основных теоретических подходов к правопониманию, формулирование и описание трех методологических направлений: субъективизм, объективизм и функционализм, и моделирование схематичного разграничения теоретических представлений о праве по указанным направлениям, формулирование основных подходов к изучению права, а также выделение положительных и отрицательных сторон последних в соответствии с выдвигаемой дифференциацией, представление возможных путей развития методологии изучения права в ближайшем будущем.

В пределах целевой установки работы автор поднимает проблему неоднородности методологии научного познания в контексте изучения права.

В качестве предмета исследования выступают методологические подходы научного исследования в изучении права, выработки теорий правопонимания. В работе рассматриваются основные особенности теорий права, предлагается их классификация в зависимости от методологической основы в рамках системного подхода. Автором выдвигается мнение о кризисе исторически сложившихся подходов к правопониманию ввиду ожидаемой унификации научного знания в рамках методологического подхода теории систем.

Анализируя проблему изучения права, необходимо обозначить сущность науки о праве в части предмета и метода исследования таковых. Так, Алексеев С. С. считает, что предмет юридической науки может быть рассмотрен в двух плоскостях. Во-первых, с точки зрения процесса правового регулирования его составляют право, как система юридических норм; общественные отношения, как предмет правового регулирования; нормативные правовые акты, индивидуальные акты, правоотношения, правосознание и правовая культура; формирование и действие права, эффективность его норм. Во-вторых, с точки зрения содержания правового регулирования в него включаются закономерности права, догма права, техника юриспруденции. По мнению ученого, эти элементы предмета находятся в единстве и взаимной обусловленности [1, с. 688-690].

Перевалов В. Д., рассматривая науку о праве в рамках теории государства и права, определяет ее методологию, как систему способов, средств и приемов, с помощью которых добываются знания о государственно-правовой действительности. Методологию также можно рассматривать в качестве относительно самостоятельной сферы научно-теоретической деятельности, где результатом будет выявление и изучение собственных оснований, принципов и форм познания государственной и правовой «материи» [2, с. 22].

Тарасов Н. Н. подчеркивает, что методологию науки допустимо охарактеризовать как осуществляемые на различных уровнях (философский,

общенаучный, конкретных наук, методики и техники) исследования общих оснований, путей, закономерностей научного познания, его принципов и методов, направленные на разработку положений, позволяющих выбирать средства и строить процедуры эффективного решения проблем и задач, возникающих в процессе научно-исследовательской деятельности [3, с. 73].

Таким образом, научное исследование права с точки зрения предмета и метода юридической науки представляет собой процесс изучения права, как системы общественных отношений по созданию, усовершенствованию и приведению в действие юридических норм, формирующих правоотношение, правосознание и правовую культуру. Методология данного процесса заключается в системе способов, средств и приемов исследования права, позволяющих формировать оптимальную процедуру эффективного решения проблем и задач данного направления общественных отношений.

В рамках исследования права и теорий права, в частности, автором предлагается применить методологию системного подхода теории систем. Для целей данной работы под системой будет пониматься совокупность взаимосвязанных элементов, обособленная от среды и взаимодействующая с ней как целое. Прохорова И. А., описывая методологию теории систем и системного анализа, подчеркивает, что в качестве методологического подхода к анализу явлений и процессов с точки зрения их системности представляется диалектический метод. Так, именно диалектический метод рассматривает объект, как комплекс взаимодействующих и взаимосвязанных компонентов, развивающихся во времени [4, с. 5].

Сам системный подход, по мнению автора, можно представить как метод структурно-функционального анализа, при котором предмет представляется в качестве объекта, механически сопряженного с внешней средой посредством функционирования обособленных элементов, составляющих данный объект, как единую систему. В связи с этим считаю возможным определять право, как систему, обладающую объективными (по отношению

к внешней среде) и механическими или функциональными (в собственном устройстве) характеристиками [Приложение 1], допускающими разность методологических подходов в их изучении. Таким образом, система представляет собой динамический объект, способный к качественному изменению во времени [Приложение 2].

В рамках методологии изучения права как системы считаю целесообразным выделить и рассмотреть актуальные подходы к правопониманию с точки зрения их методологических подходов к сущности права как предмета исследования. В качестве теорий автором предлагаются следующие подходы к правопониманию: естественно-правовая теория права, антропологическая теория права, социальная теория права, нормативистская теория права Г. Кельзена, либертарная теория права Нерсисянца В. С., институциональная теория права Четвернина В. А., коммуникативная теория права Полякова А. В., системная теория Н. Лумана, дискурсивная теория права Р. Алекси.

В качестве исторически сложившихся подходов к правопониманию автором предлагаются три предметных направления: субъективизм (или идеологическая перспектива), функционализм (или функциональная перспектива) и объективизм (или объективная перспектива). Для каждого предметного направления автором устанавливается собственный подход, вокруг которого и строится методология изучения права.

Для целей данной работы предлагается следующая схема (диаграмма) методологической дифференциации: [Приложение 3], [Приложение 4].

Формулируя основные свойства предлагаемых направлений, необходимо отметить следующее. Субъективизм отвечает на абстрактный вопрос «зачем?» или «с какой целью?». Функционализм на вопрос «как?». Объективизм на вопрос «что?». В совокупности ответы на данные вопросы формируют представление о системности объекта исследования.

Центральным признаком, а точнее, совокупностью признаков дифференциации, является гносеологическое основание системной организации.

Так, субъективизм и объективизм оперирует к классической структуре познания – делению на познающего и познаваемого. Однако системный подход к изучению объективной действительности, по мнению автора, предполагает наличие множества специальных принципов, ключевыми из которых в контексте выделения функционализма можно определить организационную непрерывность, установленную Богдановым А. А. [5, с. 188], предполагающую содержание промежуточных звеньев, находящихся на иных организационных уровнях, но все также связанных со средой и средой среды и т. д. Содержательным основанием для выделения данной категории является исторически сложившаяся дуальность материи правового исследования, а именно социальное взаимодействие и нормативность, последняя из которых не соотносится с первым, как объектом, но является базовой составляющей его функционирования на подсистемном уровне, и предусматривающую иную методологическую ориентацию, схожую с методологиями абстрактного моделирования в математике, логике и других науках о функциональных свойствах материального мира.

Исторически первым, по мнению автора, возникает и развивается методологический субъективизм. Понятие, введенное Декартом, представляется автору учением об исключительной субъективности познавательной деятельности. Под субъективизмом в контексте данной работы автором понимается научный подход, в центре которого ставится субъективное восприятие ученым окружающей действительности и места права в данном восприятии. Основным методом данного подхода становится эмпиризм, как сформировавшаяся исторически гносеологическая концепция. Так, будучи сконцентрированной на эмпирическом методе познания, наука формирует чувственный образ правового восприятия через призму заранее представленных эмоциональных образов, получаемых в процессе познания. Ключевым направлением в субъективизме, по мнению автора, выступает естественно-правовая теория, описывающая право, как идеальную форму

нормативного устройства общества в призме представлений о должном состоянии существования таковых конкретным ученым или некоторыми научными коллективами, правовыми школами. Автор подчеркивает, что естественно-правовая концепция, обращенная в собственном целеполагании к объективной оценке социальной нормативности, в собственном историческом развитии утратила объектную ориентацию в пользу метафизических оснований изучения права, чем окончательно закрепило неприменимость экспериментального метода в юридической науке. Ввиду медленного исторического развития науки философии, а также доминирования политических элит над научным сообществом, право зачастую становилось объектом подчинения антинаучным догмам, и впоследствии во многом продолжало функционировать под действием субъективных целеполаганий относительно социального устройства.

Описывая индивидуализм, как методологический подход к познанию, Бердяев Н. А. указывает, что источником субъективизма, в противовес трансцендентальному логическому сознанию объективизма, выступает индивидуальное психологическое сознание [6, с. 89].

Функционализм, как выделяемая автором концепция, представляет собой методологию изучения механического взаимодействия или, другими словами, подход к изучению предмета исследования, как единого объекта, с описанием системных элементов и их взаимодействий (связей) между собой. Однородным направлением в гносеологии представляется рационализм как метод, постулирующий центральную роль разума в процессе познания. Ключевым фактором, определяющим принадлежность методологического подхода к функционализму, является абсолютизация дедуктивного метода познания, при котором в качестве вводной посылки (общего) выступает норма, а ее свойства, в соответствии с концепцией дедуктивного метода Р. Декарта, переносятся на всю нормативную систему.

В контексте системы методологического подхода к пониманию права, функционализм, по мнению автора, соотносится с позитивизмом и норма-

тивизмом Г. Кельзена. Так, правовой позитивизм и соответствующее учение концентрируются на двух ключевых аспектах: во-первых, система права закрыта от объективной действительности, что указывает на отсутствие импорта функциональной обусловленности из других социальных систем; во-вторых, единство собственной элементарной структуры, выраженной в виде системы правовых норм. Нормативизм Г. Кельзена строится на принципе модальной нормативности. Являясь представителем позитивистской школы, ученый являлся резким противником зависимости права и методологии его изучения от политических, социологических и психологических факторов, которые определяют социальные и исторические основания развития правовой системы.

Конфликт эмпиризма и рационализма к моменту появления немецкой классической философии исчерпывают собственный потенциал и претерпевает серьезные изменения под давлением априоризма, сформулированного И. Кантом в рамках выделения и описания особой науки «критики чистого разума» [7, с. 57]. Учение И. Канта, устанавливающее наличие у человека знания, полученного им до опыта, в совокупности с собственной неопределенностью в вопросе источника такового знания, предопределило становление объективизма, а также развитие теорий о познании по пути антропологии.

Объективизм представляет собой философское учение об объективности реальности. В классической интерпретации объективизм определяется как стремление к оценке вещей, лиц и событий на основании их точного изучения, независимо от собственных пристрастий и предвзятых мнений, когда они не могут быть удовлетворительно оправданы разумом [8, с. 636].

Возвращаясь к субъективизму в концептуальной характеристике теорий правопонимания автор предлагает к рассмотрению либертарную теорию права Нерсесянца В. С. Автор подхода формулирует следующие свойства, на его взгляд, присущие праву: правовая система предполагает уравнивание людей по общему для всех масштабу; право выступает в качестве

всеобщей и необходимой формы свободы в общественных отношениях; право поглощает понятие справедливости без остатка – право по определению справедливо, а справедливость есть внутренне свойство и качество права [9, с. 28-35]. Данный подход, по мнению автора статьи, приписывает правовой системе субъективистскую характеристику. Так, описывая категорию свободы в праве Нерсесянц В. С., по мнению автора статьи, игнорирует управленческую природу норм, равно как и их функциональные свойства в социальной среде. Также ученый оперирует понятием «справедливость», не раскрывая его форму выражения в объективной действительности, ограничивается описанием его посредством понятия «правильности», также не находящего внешнего выражения, за исключением самого факта применения такового понятия субъектами социального взаимодействия в процессе последнего по отношению к априорно (не сознательно) соотносимым явлениям объективной действительности.

Выделяемые типы правопонимания автора либертарной теории: юридическое и легистское, по своей сути, имеют субъективное и объективное начала. Так, юридическое правопонимание, как метод содержательного отношения к праву, свойственно объективизму как направлению концентрации на объекте и его месте в объективной действительности. В свою очередь, легистское правопонимание, отождествляющее право с волей законодателя является классической формой субъективизма, особенность которой заключается в том, что субъективное целеполагание возлагается на лиц, уполномоченных принимать нормы.

Архипов С. И., анализируя либертарную теорию права, устанавливает слабое внимание ученого к правовой «материи» – юридическим категориям, понятиям, конструкциям, определяющим правовое сознание современного юриста. Взгляды Нерсесянца В. С. не изменили формировавшуюся на протяжении многих веков и застывшую в развитии догму права, а потому их лишь условно можно назвать правовой теорией, по уровню обобщенности

они относятся, скорее, к философским. Помимо прочего, Архипов С. И. отмечает, что в либертарной теории право есть «нечто» (что-то), воплощающее в себе свободу, равенство и справедливость. В либертарной теории право причисляется к множеству состояний, объединенных в «равнокачественные формальности в плоскости конкретизации смысла и значений принципа формального равенства», не дающих, по мнению автора, определенности в понимании объекта материальной действительности [10, с. 12].

Таким образом, праву приписывается не свойственное объективизму и функционализму понятие справедливости, определенное ученым как форма соответствия (или не соответствия) социальной действительности представлением о ней конкретным индивидом, группой людей или обществом в целом. По мнению автора, формируя тезис о необходимости свободы, В. С. Нерсесянц придерживается догматического представления о праве как о форме идеального выражения норм, находящего свое выражение в объективной действительности лишь в случаях достижения действующим законом субъективных представлений ученого о должном уровне свободы участников правового взаимодействия. Соглашаясь с выделяемыми Архиповым С. И. недостатками либертарной теории права, автор статьи приходит к выводу о том, что данный подход к правопониманию остается философским направлением мысли о представляемом субъектом исследования идеале, свойственным в соответствии с предлагаемой дифференциацией субъективизму.

В соответствии с институциональным подходом Четвернина В. А. правопонимание делится на два «субкультурных» подхода: потестарный и либертарный, а понимание нормы права, в свою очередь, сводится к логоцентрическому и социологическому. В своей концепции ученый акцентирует внимание на том, что приобретение правом конкретной формы зависит от сложившейся в конкретном сообществе социокультуры. Однако Четвернин В. А. подчеркивает, что сообщества не обладают однородностью в подходе

к правопониманию, что приводит к противоборству между данными подходами, представители, одерживающего верх из которых, и формируют теоретическую основу правопонимания для данного сообщества, а также пишут закон, интерпретирующий последнее [11; 12, с. 2-3].

Анализируя институциональный подход, необходимо отметить его сходство с линейной системой классификации политико-идеологических предпочтений на правые и левые, в современной интерпретации последней. Так, потестарной парадигме соответствует формы правых политических воззрений, крайним из которых выступает тоталитаризм, как идеология подавления интересов личности в социальном взаимодействии, а либертарной парадигме, в свою очередь, формы левых воззрений, крайним из которых выступает анархизм, как идеология устранения любых форм государственно-правового принуждения. Подчеркивая данное сходство, Четвернин В. А., однако, предлагает цивилизационно-историческую типологию, основу которой составляет дифференциация на аграрную и индустриальную эпохи [12, с. 20].

Несмотря на сложившееся мнение о принадлежности теории Четвернина В. А. к либертарной концепции Нерсесянца В. С. с их объединением в интегративной плоскости, можно выделить существенное различие в подходах ученых к правопониманию. Так, в соответствии с либертарной теорией свобода является однородной категорией, присущей праву. В свою очередь, в институциональной теории свобода выступает качественной характеристикой конкретного социального строя, в котором данная характеристика может быть выражена в потестарной или либертарной форме, другими словами, свобода может ограничиваться или увеличиваться. Таким образом, Нерсесянец В. С. приравнивал право к идеальной форме, утверждая тем самым, что явление объективной действительности в форме закона принадлежит к праву настолько, насколько соответствует его идеальным свойствам т. к. правовой закон, по мнению ученого, должен быть выражением свободы,

равенства и справедливости, и не может называться таковым в отсутствии перечисленных компонентов [9, с. 38]. Концепция Четвернина В. А. также предполагает различие права и закона, однако и право, и закон представляются явлениями социальной действительности, при которых право есть форма признаваемых в обществе правил, а закон – его авторской интерпретацией.

Таким образом, в либертарной теории право представляется идеалом в субъективном понимании ученого, а в институциональной теории право представляется объективным выражением субъективных предпочтений населения в его собственной разнородности мнений, что в соответствии с предложенной автором системой дифференциации предполагает отнесение теории Нерсесянца В. С. в плоскость субъективизма, а теории Четвернина В. А. в плоскость объективизма. Справедливо отметить, что данные теории можно соотнести с традиционными подходами правопонимания, а именно естественно-правовым и социальным соответственно.

Качественно новой по сравнению с либертарной и институциональной концепциями правопонимания является коммуникативная теория права Полякова А. В. По мнению автора данного подхода, право представляет собой форму коммуникации, как неотъемлемого компонента социального взаимодействия. Так, правовая форма коммуникации есть правовое взаимодействие субъектов, возникающее на основе социальной интерпретации правовых текстов. При этом правовой текст Поляков А. В. рассматривает как систему знаков, интерпретация которых создает определяемый правовой смысл, направленный на регулирование поведения субъектов. Правовая норма, по мнению ученого, находится не в тексте, а в психокультурной действительности.

Анализируя коммуникативную теорию, Честнов И. Л. подчеркивает, что данная концепция ориентирована на действия людей, процессуальность, постоянное изменение права: действия, включающие ментальные психические процессы интерпретации окружающего мира. Содержанием юридической коммуникации, с точки зрения ученого, выступает диалог, как принятие

точки зрения социально значимого «другого» (иного лица). Диалог, как основание социальности (и права) — это, во-первых, внутреннее принятие «другого» как экспектация (ожидание) поведения от носителя статуса «другого». Это не просто толкование правовых текстов и даже достижение взаимопонимания, согласия и компромисса, о чем правильно пишет Поляков А. В., а соотнесение образца ситуации, ее юридической процессуальной типизации с личностной мотивацией [13, с. 55].

Необходимо отметить, что схожим с коммуникативной теорией подходом представляется учение о праве самого Честнова И. Л. Так, ученый определяет право как диалогическое явление, представляющее собой социальный конструкт, ограниченный множеством социальных и культурных факторов [14, с. 229]. Ученый акцентирует внимание на сущностной неоднородности права, выделяя в нем «сущее», как наблюдаемое эмпирическим методом познания внешнее проявление права, и «должное», как совокупность социальных представлений [19, с. 229 - 230]. Само право как объект, по мнению ученого, реализуется в его «генеральном» назначении – обеспечении целостности, нормального воспроизводства общества [15, с. 324].

Анализируя диалогическую концепцию правопонимания, автор приходит к выводу об однородности теорий Честнова И. Л. и Полякова А. В., объединенных единым подходом: выделением социального взаимодействия, как явления объективной действительности, обособленного от субъективных воззрений, но тесно связанным с последними в форме совокупности мироощущений каждого индивида. Принимая во внимание содержательные различия, выраженные, в частности, в трехэлементной структуре механизма функционирования права по Честнову И. Л. в противовес двухэлементной структуре Полякова А. В., автор полагает возможным отражать в схематичном распределении теоретических подходов к правопониманию только коммуникативную теорию, подразумевая включение диалогического подхода в таковую.

Рассматривая коммуникативную теорию права, автор считает необходимым сопоставить правопонимание Полякова А. В. и институциональную теорию Четвернина В. А. Так, обе теории подходят к пониманию права с точки зрения его объективного выражения в социальной среде. Однако если в институциональном подходе право представляется в форме неоднородного социального института, коммуникативная теория выстраивает модель социального взаимодействия, включающего право, наравне с наукой, моралью, нравственностью и др., в качестве форм такового взаимодействия – коммуникации (общения). Помимо прочего, теория Четвернина В. А. в наименьшей степени эксплуатирует терминологию социального взаимодействия и коммуникации в пользу более специфических по отношению к социальной науке категорий, таких как «институт», «социальная практика», «нормативное сознание», «авторитетный текст» и др. Принимая во внимание перечисленные особенности, автор приходит к мнению о том, что данные концепции представляют два онтологических направления социального подхода к изучению права, соотносимых, в свою очередь, с методологической концепцией объективизма. Ввиду несущественной, с точки зрения объективного подхода, но качественной, с точки зрения его субъективной оценки, особенности институциональной теории, выраженной в выделении категории свободы в рамках абстрактного идеала, автор полагает возможным определять коммуникативную теорию более объективистской, экспортирующей методологию социологических и антропологических подходов к познанию в большем объеме.

Отдельного внимания заслуживает дискурсивная теория права Р. Алекси и теоретический подход к пониманию права Ю. Хабермаса. Так, данные подходы объединяет общность понимания права как явления, сочетающего в себе три элемента: субъективные представления о правовом идеале граждан, реально действующий закон и механизм их взаимодействия. Однако основным сходным свойством данных теорий является их теоретическая

концентрация на социальном взаимодействии, как процессе противоборства мыслей и идей о правильности и справедливости каждого отдельно взятого человека. Р. Алекси описывает данный процесс как дискурс, а Ю. Хабермас, в свою очередь, как коммуникативный процесс. И если теория Ю. Хабермаса имеет схожую с коммуникативной теорией посылку о правовых средствах как об «условиях возможности социальной интеграции на основе коммуникативного взаимодействия», а право есть структура опосредования коммуникативного действия [10, с. 62], то отличительной особенностью дискурсивной теории является допустимость притязаний конкретного социального института, а именно морали, на объективность и правильность, а также способность права выдвигать моральные и иные притязания на правильность [10, с. 28 — 29], что создает в самом объекте права элемент субъективизма.

Качественно новой представляется автору подход системной теории права Никласа Лумана, прогрессивная форма правового позитивизма. В рамках своего подхода ученый описывает право с объективной и функциональной стороны, объединяя оба предметных направления в системном подходе, т.е. изучении права, как системы взаимосвязанных элементов, контактирующих с внешней средой. Так, ученый определяет системность социальной действительности и разбирает ее на подсистемы в соответствии с их функциональным предназначением. Юридическая система рассматривается Никласом Луманом как своего рода иммунная система общества: она может обеспечить адаптацию сформировавшейся социальной структуры к меняющимся условиям социальной жизни, к новым процессам, содействовать эволюции общества. Способность права быть стимулом социального прогресса, внедрения нового в общественную жизнь, выражена в одной из наиболее важных в лумановской классификации функций юридической системы – функции «нормативной стабилизации прогнозируемых отношений» [10, с. 54].

Как отмечает Посконина О. В., отправная точка в лумановских построениях – это стремление разрешить кризис классического функционализма второй половины пятидесятых годов, представители которого, по его мнению, еще не освободились окончательно от «онтологического детерминизма» и, соответственно, объясняли функцию как «закрепленные отношения между особыми причинами и особыми следствиями». Согласно позиции самого Лумана, любое требование истолковать социологический феномен каузально предполагает «детерминистскую онтологическо-метафизическую концепцию социального порядка». Следовательно, социология должна избавиться от «методов каузальной науки», поскольку каждому следствию, считает немецкий ученый, предшествует неограниченное количество причин, так же как и за каждой причиной возникает «огромное количество следствий» [16, с. 4].

Принимая во внимание указанные характеристики системной теории права, подход Н. Лумана можно определить как прогрессивную форму правового позитивизма, экспортирующую строгий функциональный подход в процесс изучения социальной действительности.

Подводя промежуточный итог рассмотрения перечисленных теорий права, автор считает необходимым провести спецификацию схемы в части распределения указанных теорий в зависимости от их концептуальной ориентации. Так, естественно-правовая, социальная (включая антропологическую и психологическую) и позитивистская теории соответствуют концепциям субъективизма, объективизма и функционализма.

Расположение либертарной теории ввиду отождествления права с субъективно выведенным идеалом, а также несоответствия понятия «право» с понятием «закон», определено в области субъективизма с дистанцированием от функционализма и сближением с областью объективизма. Так, Нерсесянц В. С., допуская несоответствие действующего закона праву, придает последнему форму абстрактного субъективно выверенного явления, что

вступает в противоречие с функционализмом, как подходом, ориентированным на отождествлении права с действующей функциональной системой – законом, а также не позволяет эксплуатировать методологию исследования явлений объективной действительности.

Расположение институциональной, коммуникативной и дискурсивной теорий продиктовано общностью подходов, а именно определением права как явления объективной действительности с включением в его структуру института социального взаимодействия. Все перечисленные теории, по мнению автора, выделяют элемент правопонимания индивида и общества в целом, не анализируя причинность данного явления, закономерности восприятия социумом права в зависимости от психофизических характеристик человека как биологического вида, тем самым ограничивая экспорт методологии наук о человеке и социуме на уровне общетеоретического представления. Также данные концепции представляются автору как теории о социальной субъективности, что, в свою очередь, заключается в выделении индивидуальных мироощущений членов общества в качестве абстрактной данности. Таким образом, в соответствии с данными теориями, право как явление объективной действительности ставится в зависимость от представления людей о его идеальном состоянии, перенося элемент субъективного мироощущения от ученого, как субъекта познания, к социуму, как объекту такового. В целях дальнейшего изучения права как явления социальной действительности требуется применение методологии наук об обществе и человеке.

Расположение системной теории права Н. Лумана продиктовано его функциональным подходом к анализу социальной действительности и месту права в ней. Рассматривая социальную коммуникацию, ученый экспортирует методологию, не свойственную традиционной социальной и антропологической теории. Так, в противовес буквальным формам оценки социального взаимодействия Н. Луман предлагает моделирование последнего в функционально-системном ключе информационно-управленческого

подхода наук кибернетики и теории систем. Таким образом, в системной теории права автором усматривается лаконичное сочетание функционального и объективистского подхода, что в свою очередь позволяет смотреть на право, как на систему причинно-следственных закономерностей, не ограниченную субъективными представлениями об идеале и правильности субъекта изучения права или социальных элементов как объектов такового.

Системный подход предполагает оценку объекта исследования в единстве механики внутреннего и внешнего взаимодействия. Таким образом, право, как объект исследования, выступает в качестве системы взаимосвязанных и взаимодействующих элементов – норм, обособленных от среды, но подверженных механике функционирования ее элементов, одним из которых оно и является. Как подчеркивает Алексеев С. С. – это логическая система. И не случайно в соотношениях и связях, характерных для «сцепления» частиц правовой материи, в каких-то их проявлениях обнаруживается нечто глубокое и основательное, скрытое под покровом «догматики и формалистики». Иными словами, свидетельства (или симптомы) таящихся в праве глубоких началах [17, с. 252]. По мнению автора, именно системная связь элементов права с элементами ее внешней среды без перехода в таковую создают основу функционального взаимодействия, выходящего за пределы традиционного представления о праве как о подчиненном объекте. Так, данная системная связь, помимо прочего, позволяет строить утверждение о том, что не только право функционирует под действием внешней среды – общества, но и функционирование самого общества зависит от процессов, протекающих внутри правовой системы.

Таким образом, право, как подсистема социальных норм, обладает обособленными элементами, методами их взаимодействия, а также целью, обусловленной причинами возникновения (выделения в отдельную подсистему). Однако данная обособленность оправдывается механикой функционирования самого общества, в котором данные элементы и связи имеют

собственный вес. Изучение этих элементов и взаимодействий в совокупности позволяет определить оптимальную форму системного функционирования науки о праве.

Тарасов Н. Н., описывая современное состояние методологической сферы юриспруденции, отмечает множественность ценностных оснований, онтологических видений, гносеологических установок и методологических подходов, что, в свою очередь, создает ситуацию, при которой его сложно выразить в виде связанной единым принципом системы норм научного познания права [3, с. 225]. Метод юридической науки, считает ученый, должен быть представлен как система типов исследовательских средств [3, с. 224], предлагая в качестве таковой систему, состоящую из философского, общенаучного и специально-юридических средств метода юридической науки [3, с. 225-227].

Принимая во внимание указанную позицию, автор видит возможным создание универсальной по отношению ко всем гуманитарным наукам методологической системы, построенной на предложенной в работе дифференциации походов к правопониманию: субъективизме, объективизме и функционализме. Формулируя отдельные подходы к изучению права, ученые, по мнению автора, концентрируются на специализированных подходах, ранее сформированных в других дисциплинах.

Так, в процессе изучения права ученые, формулирующие концепции субъективизма, экспортируют средства метода философии, соответствующих, как подчеркивает Тарасов Н. Н., гносеологической установке юриспруденции, с одной стороны, фиксирующей научную идеологию правоведения как систему идеалов и принципов научного познания права, а с другой, — формулирующей его предельные методологические нормативы, выражающиеся в мировоззренческих постулатах, картинах мира и универсальных категориях [3, с. 225]. По мнению автора, теории правопонимания, заключающиеся в методологической концепции объективизма, активно

экспортируют методологии наук социологии и антропологии, которые, в свою очередь, перенимают средства и методы у наук о физическом устройстве объективной действительности. Функционализм, как методологическое направление, вбирает средства таких наук, как математика, логика и информатика в совокупности с другими точными науками, включая, но не ограничиваясь кибернетику и теорию систем.

Объективная действительность представляет собой систему механического взаимодействия элементов окружающей среды – гравитационных объектов. Наука, являясь отраслью человеческой деятельности, направленной на получение и качественную обработку информации об объективной действительности, предполагает формирование наиболее вероятной модели мироустройства, вероятность которой обусловлена множественной вариативностью и относительной ограниченностью познавательных способностей научного сообщества на конкретных этапах его исторического развития.

Оценивая систему правовой организации, автор приходит к выводу, что юридическая наука занимается изучением системы социального взаимодействия в части исследования права как разновидности социальных норм и специфики воздействия таковых на социальную реальность. Социальные нормы, по мнению автора, представляют собой комплекс функциональной подсистемы системы социального взаимодействия, формирующий основные узловые точки, определяющие, в свою очередь, системное направление поступающей и обрабатываемой сознанием информации социального значения.

По мнению автора, сфокусировавшись на одном направлении, ученый в процессе исследования права частично игнорирует остальные направления, чем делает собственное научное рассуждение потенциально недостоверным. Необходимо отметить, что под потенциально недостоверным в отличие от потенциально опровержимого утверждения следует понимать

суждение, выведенное на основании анализа неоправданно ограниченного объема данных и методики получения последних.

Возвращаясь к методологическим подходам, нахожу возможным отметить, что идеологический подход (в рамках субъективизма) к правопониманию централизует заранее установленный идеал мироустройства или устройства общества в частности. На протяжении своего исторического пути наука об управлении обществом была и остается объектом давления политической идеологии элит, как практиков управления, зачастую не имеющих цели применять в своей деятельности общую теорию, получить теоретическое образование. В данном случае возникает ситуация, при которой науки о механике (технические науки) объективной действительности становятся передовыми в части методологии научного исследования в противовес наукам об обществе (гуманитарным наукам). Градация на технические и гуманитарные науки, по мнению автора, вскоре исчерпает себя и перестанет применяться.

Полагаю, что естественно-правовые концепции исчерпали собственный научный потенциал и более не имеют достаточного уровня конкурентоспособности для противостояния с современными нормативистскими и объективистскими подходами к изучению права. Функционализм, как механический подход к изучению права, получил достаточное развитие в рамках административного права и был успешно интегрирован в правоприменительную практику соответствующей отрасли. Субъективизм стал основой для современного конституционного, частного и международного права. Конституционализм в рамках российской юридической науки вобрал в себя идеологию свободы и равенства, что привело к концентрации внимания научного сообщества на отрасли частного права, развития его в духе горизонтального взаимодействия, которое, по мнению автора, не свойственно социальной среде. Например, автор считает, что демократия, как механизм управления обществом, обладает функциональным несовершенством

в части порядка избрания. Так, лица, обладающие разными профессиональными компетенциями (способностями к рациональному выбору) обладают равными правами, что в совокупности с объективным экономическим неравенством, разностью личностных подходов к социальной ответственности, создает ситуацию при которой избирательный процесс переходит из призмы интеллектуальной конкуренции в призму эмоциональной конкуренции, при которой лицо, претендующие на управленческий пост, вынуждено закладывать в сознание избирателя образ грамотного управленца, а не проявлять соответствующие компетенции.

Как сам человек является продуктом развития системности биологической материи, так и социум представляется в виде развитой формы системного взаимодействия на уровне межличностного взаимодействия. В качестве описания допустимых, по мнению автора, путей развития правовой теории предлагается 3 методологических подхода к изучению права: обобщенный, частный и специализированный подход [Приложение 5].

Ключевой характеристикой обобщенного подхода выступает необходимость изучения целей права, устанавливаемых функциональными аспектами социальной надсистемы. Т. е. управленческие системы закладывают основы идеологической направленности социальных норм, выступающих для такой в качестве механической подсистемы. Изучая идеологические аспекты права, ученому непременно предстоит изучать механику управленческой системы (надсистемы), объективные аспекты права для формализации юридической науки в пределах социальных наук, а также механические аспекты права, что, в свою очередь, требует интеграции методологии наук о механике взаимодействий, а именно логики.

Особенностью такого подхода является ярко выраженная зависимость юридической науки от сторонних наук, их современного этапа развития. Такое сопряжение может иметь очевидные положительные стороны. Так, экспортируя механику взаимодействия из логики, математики, информатики

и других наук о взаимодействии, юридическая наука в перспективе совершенствуется собственными функциональными механизмами.

Частный подход, по мнению автора, предполагает изучение права с точки зрения его целевой и объективной принадлежности без экспортирования научной деятельности в специальные дисциплины. Так, изучение идеологической стороны права ограничивается ее текущим состоянием без оценки социальной системы, природы функционирования последней. Объективная сторона также предметно обособляется до уровня изучения права как социальной нормы без оценки его системной подчиненности социуму и человечеству. Данный метод позволяет качественно отделить науку о праве от антропологии, социологии и социального управления (политологии и экономики), создав (сохранив) для нее собственную методологическую и теоретическую основу.

Специализированный или объектно-функциональный подход, по мнению автора, заслуживает большего внимания в условиях современного развития научного знания. В рамках материализма, как философского мировоззрения, получившего развитие в когнитивистике, Вселенная представляется детерминированной системой, что, в свою очередь, позволяет утверждать, что любой процесс или явление, включая поведение людей (но, не ограничиваясь только им), имеет механическую обусловленность, а потому любая субъективная позиция ученого является проявлением объективной действительности в части протекания физических процессов в конкретном человеке. Справедливо отметить, что объектно-функциональный подход имеет схожую с классической научной рациональностью, охарактеризованной Тарасовым Н. Н. как объектно-ориентированная и стремящаяся максимально исключить из процесса научного познания все, что относится к субъекту [18, с. 20], методологическую основу. Такой подход устраняет необходимость в субъективизме вне пределов общей теории о познании и дает возможность формировать методологию изучения объективной действительности

с помощью системного подхода, выраженного в выделении комплексного объекта «системы», его внутреннего и внешнего функционала.

В рамках специализированного подхода автор предлагает к ознакомлению схему вертикальной структуры систем научных знаний с выделением системы научных знаний о праве и государстве, ее надсистем, а также системы научных знаний о познании [Приложение 6].

На представленной схеме можно изучить предлагаемый автором способ построения иерархии системной предметности. Так, в каждой отдельно взятой системе присутствуют собственные элементы и механизм их функционирования, сопряженный с механизмом функционирования надсистемы. Каждый элемент представляет систему, подчиненную тем же методологическим основам описания. Выделение системы научных знаний о познании обусловлено спецификой познавательной деятельности. С одной стороны, познавательная деятельность является подсистемой деятельности человека и подчинена антропологическим методикам, с другой стороны, сама системная дифференциация обусловлена методологией познания, что при условии оставления системы научного познания в вертикали влечет за собой противоречие, выраженное единством методологи познания и самого познавательного процесса в одном объекте.

Современная наука, по мнению автора, достигла высокого уровня собственной систематизации. Так, изучение объективной действительности в рамках физико-математических наук формирует систему представлений о нижней границе системности, которой является теория квантовой механики, а одной из верхних границ — наука о высшей нервной системе человека, получившая развитие в современной когнитивистике и когнитивной нейрофизиологии в частности. Научное знание об обществе, традиционно имеемое гуманитарным, имеет своей нижней границей науку психологию, а верхней, в свою очередь, науки об общественном управлении, а именно политологию, экономику и юриспруденцию. Установление четкой теории

механики мозговой деятельности в рамках когнитивной науки наряду с соответствующей систематизацией методологии в единую концепцию научного познания позволит объединить все научное знание в универсальную системную теорию, построенную на авторских представлениях об объективизме и функционализме.

Однако общая теория права, по мнению автора, все чаще импортирует методологию смежных научных направлений, что, как следствие, приводит к методологическому обособлению юриспруденции лишь в собственных частнопредметных, отраслевых дисциплинах, при этом, зачастую игнорирующих функциональные установки социальной среды в угоду собственной методике. Как отмечает Тарасов Н. Н., прагматизм даже теоретического юридического сознания, может стать еще одной причиной отношения к методологическим проблемам правоведения как проблемам за рамками юриспруденции, не исключенного сегодня даже в общей теории права. Тем не менее, без собственных специальных методологических исследований юридическая наука имеет явно незавидное будущее – хотя бы потому, что, независимо от различия оценок роли и возможностей методологии в научном познании, сегодня, фактически, общепризнанно, что именно методология дает нам наилучшие шансы приблизиться к истине [3, с. 13].

Подводя итог, отмечу, что важность права, как наиболее прогрессивной системы социальных норм, трудно переоценить. Являясь продуктом научного подхода к созданию, развитию и приведению в жизнь норм функционирования социального взаимодействия, право стало основополагающим элементом развития общества и институтов социального управления в частности. Поэтому столь очевидной представляется необходимость в совершенствовании методологических основ юридической науки для поддержания ее в соответствии с современными темпами развития общества, достойным обеспечением такового, а в перспективе для достижения передовых позиций в рамках интеграции строгих функциональных наук о познании в процесс изучения общества и государства.

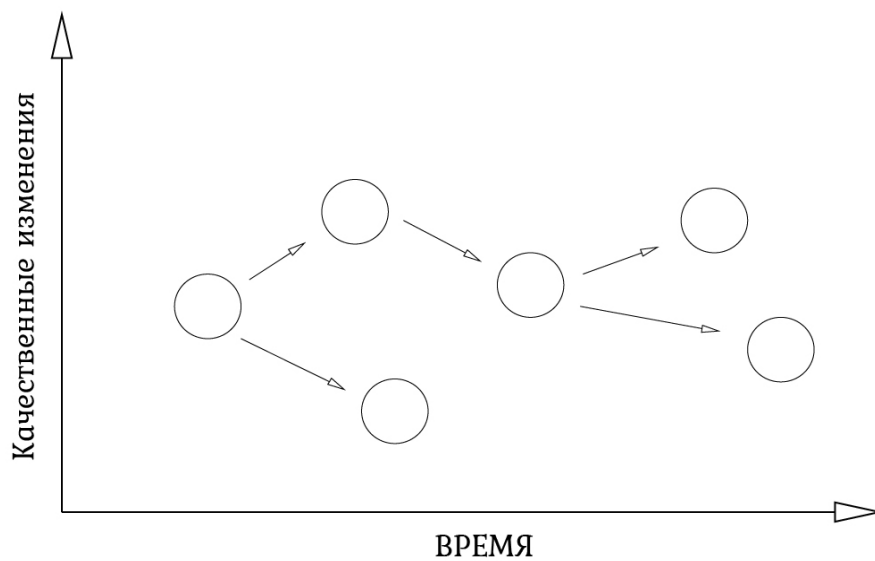
Библиографический список

1. Алексеев С. С. Собрание сочинений в 10 т. [+ справоч. том]: Т. 3: Проблемы теории права: Курс лекций. – М.: Статут, 2010. – 781 с.
2. Перевалов В. Д. Теория государства и права: учебник и практикум для прикладного бакалавриата / В. Д. Перевалов. – 5-е изд., перераб. и доп. – Москва: Издательство Юрайт, 2017. – 341 с.
3. Тарасов Н. Н. Методологические проблемы юридической науки: Монография. – Екатеринбург, 2001. – 264 с.
4. Прохорова И. А. Теория систем и системный анализ: учебное пособие. – Челябинск: Издательский центр ЮУрГУ, 2013. – 49 с.
5. Богданов А. А. Тектология: Всеобщая организационная наука. В 2-х кн.: Кн. 1. Отделение экономики АН СССР. Ин-т экономики АН СССР. – М.: Экономика, 1989. – 304 с.
6. Бердяев Н. А. Субъективизм и индивидуализм в общественной философии. Критический этюд о Н. К. Михайловском. – М.: Астрель, 2008 – 1008 с.
7. Кант И. Критика чистого разума; [пер. с нем. Н. Лосского]. — М.: Эксмо, 2018. – 736 с.
8. Брокгауз Ф. А., Ефрон И. А. Энциклопедический словарь: Т. XXIA (42): Нэшвиль – Опацкий. – СПб., 1897. – 516 с.
9. Нерсесянц В. С. Философия права: учеб. для вузов. – М., 1997. — 652 с.
10. Архипов С. И. Современные теории права: учебное пособие. – Екатеринбург: Издательский дом Уральского государственного юридического университета, 2018. — 88 с.
11. Владимир Четвернин о праве // «Лаборатория теоретических исследований права и государства» URL: <https://teoria-prava.hse.ru/lecture> (дата обращения: 24.10.2019 г.)

12. Четвернин В. А. Институциональная теория права: основные положения. // Научные исследования НУЛ теории права НИУ ВШЭ. 2013. № 13. С. 2–35.
13. Честнов И. Л. Практическое измерение коммуникативной теории права. // Правоведение. 2015. № 4 (321). С. 50–58.
14. Честнов И. Л. Что есть право? // Правоведение, 2013. № 3 (308). С. 229—236.
15. Честнов И. Л. Постклассическая теория права: монография. – СПб.: Издательский Дом «Алеф-Пресс», 2012. – 650 с.
16. Поскониная О. В. Никлас Луман о политической и юридической подсистемах общества: монография. – Ижевск: Изд-во Удм. Ун-та, 1997. – 124 с.
17. Алексеев С. С. Право: азбука-теория-философия: Опыт комплексного исследования. – М., 1999. — 710 с.
18. Тарасов Н. Н. История и методология юридической науки: методологические проблемы юриспруденции: учеб. пособие для вузов. — М.: Издательство Юрайт, 2019. — 218 с.

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Обобщенная структура системности права, как объекта познания

ПРИЛОЖЕНИЕ 2

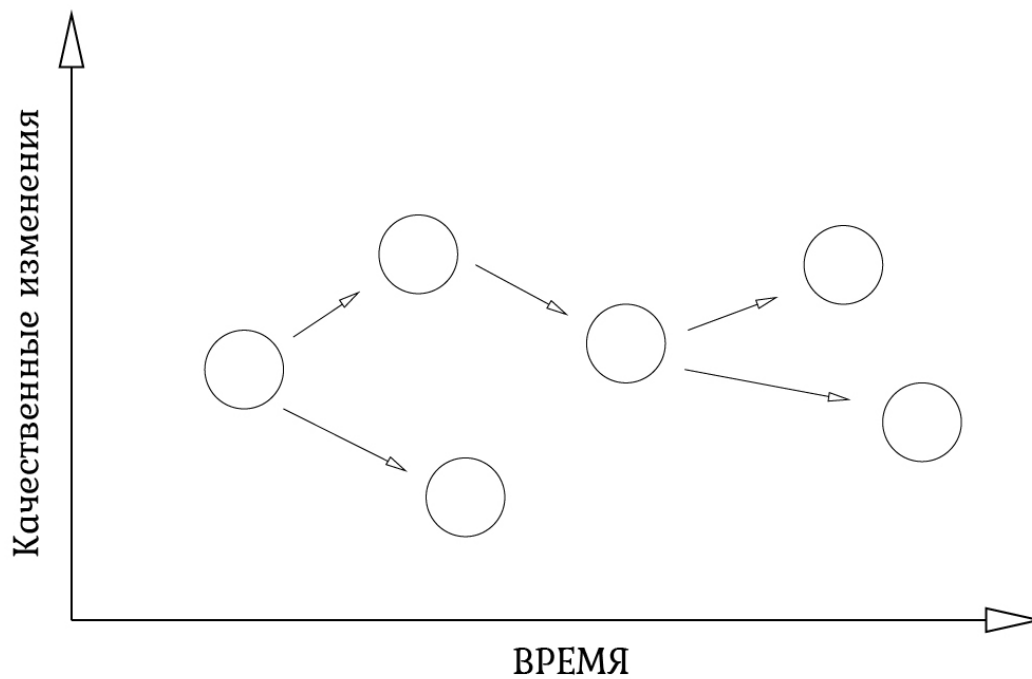
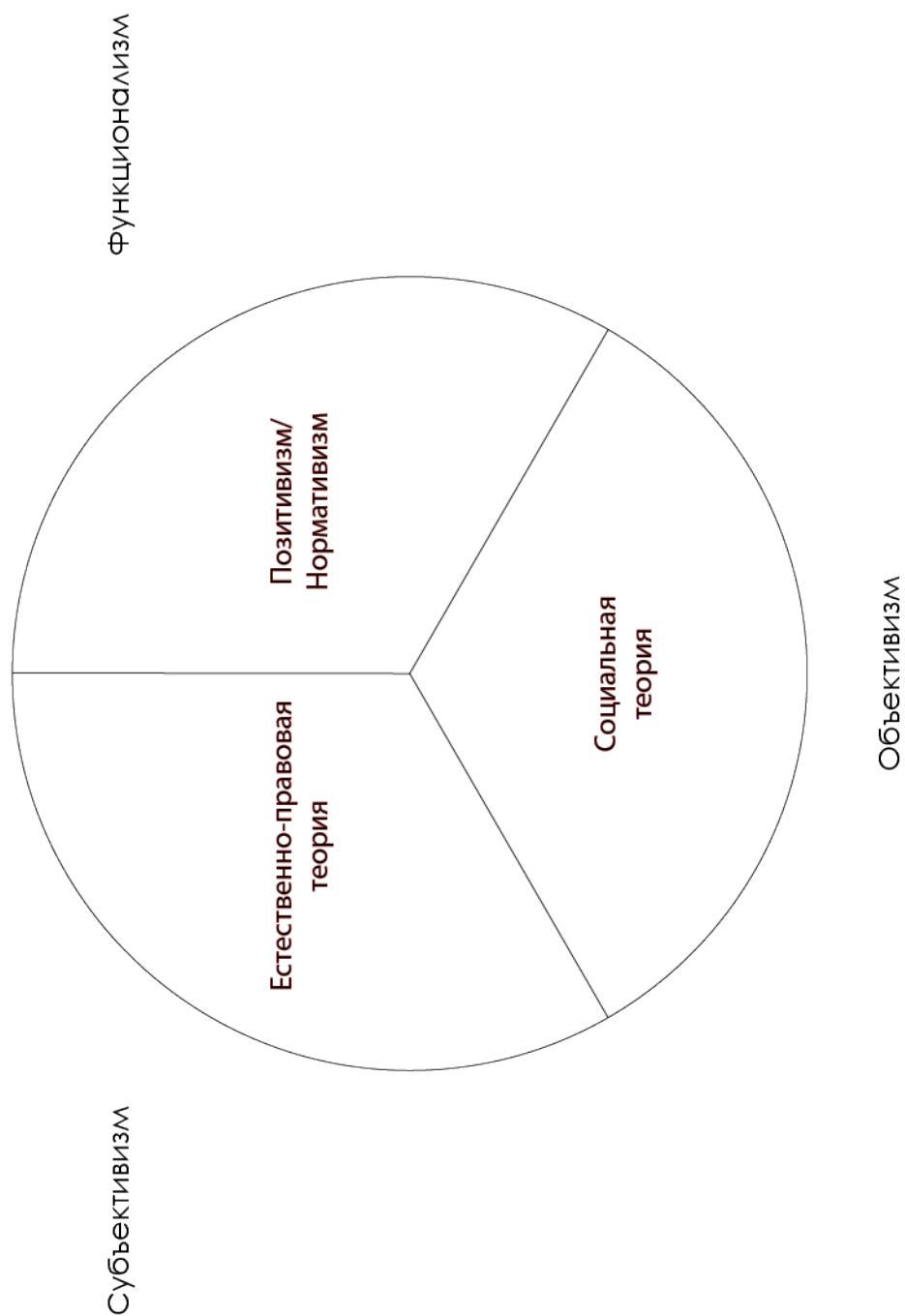

Схема (график) ретроспективного метода изучения объекта

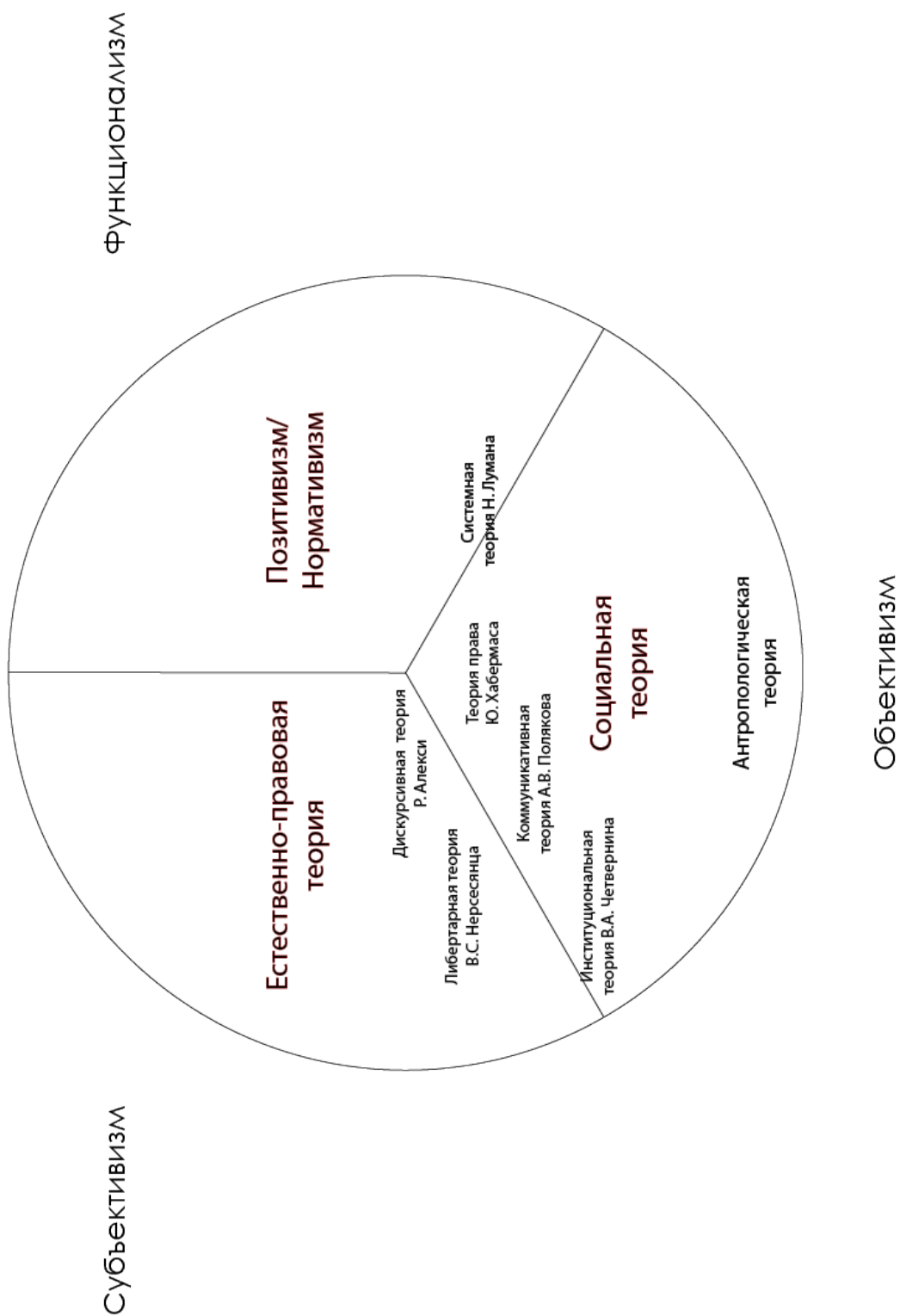
ПРИЛОЖЕНИЕ 3

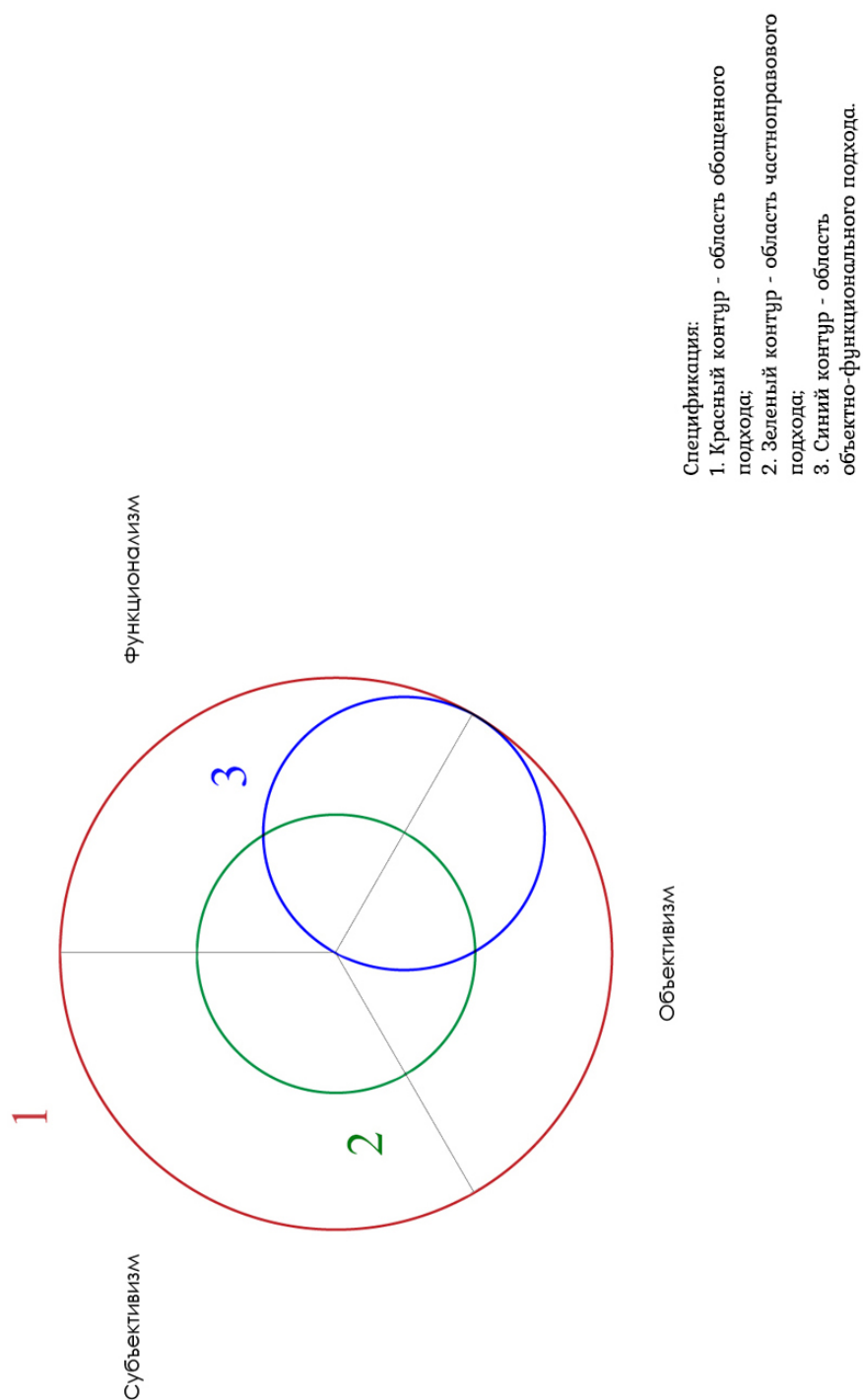
Упрощенная схема (диаграмма) методологической дифференциации

ПРИЛОЖЕНИЕ 4

Схема (диаграмма) методологической дифференциации

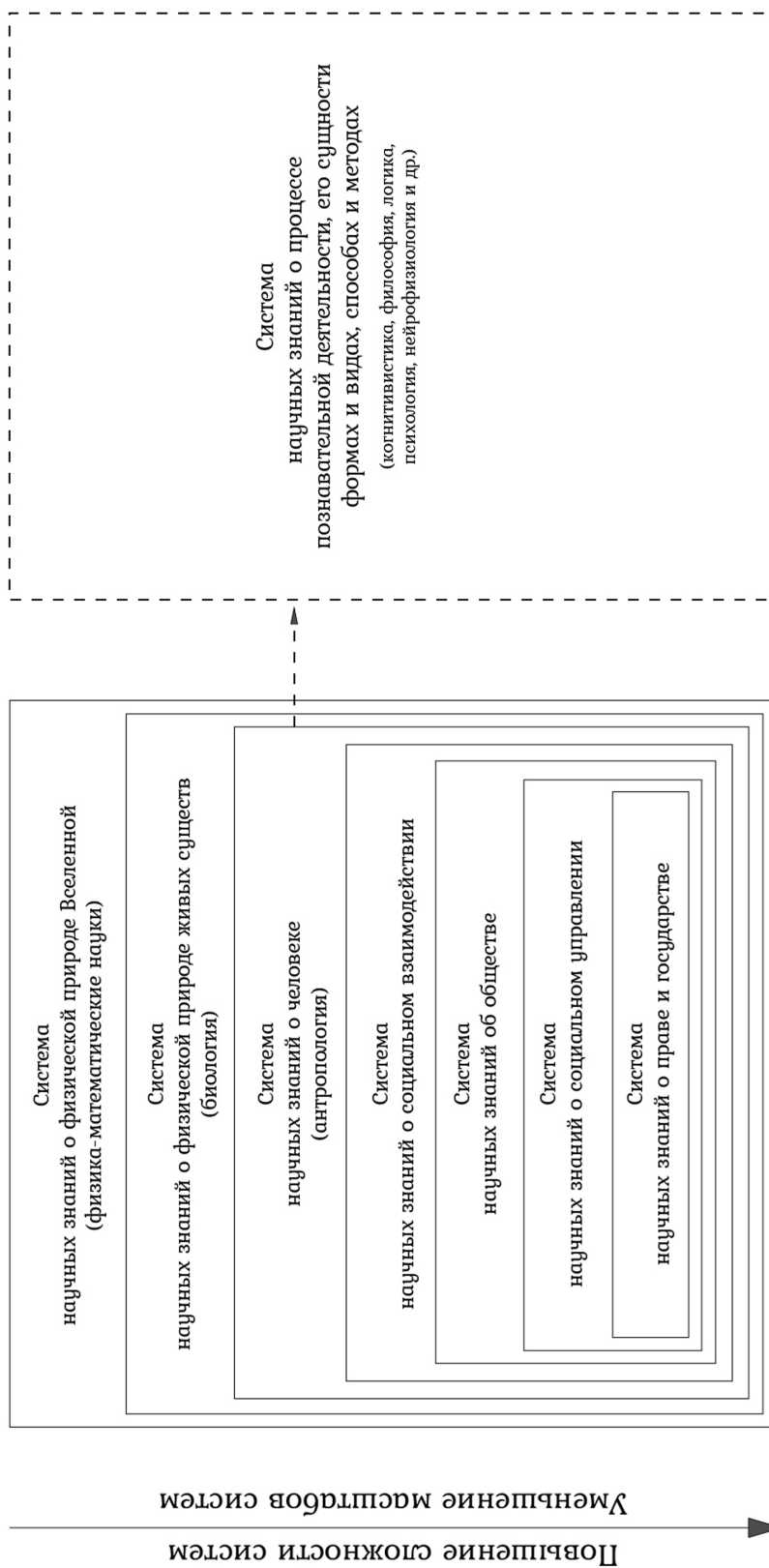

ПРИЛОЖЕНИЕ 5

Упрощенная схема (диаграмма) методологической дифференциации с областями правопонимания

ПРИЛОЖЕНИЕ 6

Усеченная модель систематизации научных знаний